

DOI 10.69571/SSPU.2025.99.6.003
УДК 338.45:622.3:94(571.17)"17/19" (045)
ББК 63.3(2Рос-4Кем)-2+65.305.143.4г

А.Е. ПИСКУНОВА

**МНОЖЕСТВЕННЫЙ УГОЛЬ
В КОНФИГУРАЦИЯХ СВЯЗЕЙ
И ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ
КУЗБАССЕ**

A.E. PISKUNOVA

**MULTIPLE COAL IN THE CONFIGURATIONS
OF CONNECTIONS AND RELATIONS
IN MODERN KUZBASS**

Статья предлагает аналитическую оптику, в которой природные ресурсы рассматриваются как «неоднозначные» объекты, которые проявляются по-разному в зависимости от ситуации, места, акторов, практик. На основе реляционного подхода их существование трактуется в рамках отношений, разнообразие которых обнаруживает множественность смысловых и реальных воплощений конкретного ресурса. Анализ публичного дискурса Кузбасса позволил выявить множество конфигураций сил, условий, взаимодействий, в рамках которых уголь задействован как вещество с определенным значением, характеристиками и возможностями. Результаты демонстрируют, что кузнецкий уголь дискурсивно и материально трансформируется в процессе производства; задействован в рыночных отношениях как ценный и полезный товар, обеспечивающий внушительные, но нестабильные доходы; приводит в действие людей и другие объекты в разных сферах региональной жизни; в то же время способен нести ущерб и неудобства; оставляет «следы», воплощающие материальное и культурное наследие региона. В заключении статьи делается вывод о том, что внимание к множественным воплощениям какого-либо объекта или вещества позволит прояснить сложные, взаимосвязанные условия и последствия того, как природные ресурсы присутствуют в общественной жизни.

The article offers analytical optics in which natural resources are considered as «ambiguous» objects that come in many forms depending on the situation, place, actors, and practices. Based on the relational approach, their existence is interpreted within the relations, the diversity of which reveals the multiplicity of semantic and real embodiments of the resource. An analysis of the Kuzbass public discourse has revealed many configurations of forces, conditions, and interactions in which coal is enacted as a substance with a certain meaning, characteristics, and capabilities. The results demonstrate that Kuznetsk coal is discursively and materially transformed in the production process; is involved in market relations as a valuable and useful commodity, providing impressive but unstable incomes; mobilize people and other objects in various spheres of regional life; at the same time is capable of causing damage and inconvenience; leaves «footprints» embodying the material and cultural heritage of the region. The article concludes that attention to the multiple embodiment of an object or substance lets us elucidate the complex, interrelated conditions and consequences of how natural resources exist in public life.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: природные ресурсы, уголь, добыча, Кузбасс, множественность, отношения.

KEY WORDS: natural resources, coal, mining, Kuzbass, multiplicity, relations.

ВВЕДЕНИЕ. Различные природные ресурсы и их активное использование пронизывают современность и проникают во все сферы общественной жизни — от экономики и полити-

ки до культуры. Их широко распределенное присутствие приводит к тому, что они принимаются как само собой разумеющееся и становятся незаметными. Ввиду этого как в общественных дискуссиях, так и научных исследованиях важно практиковать рефлексивный и критический подход. Его применение позволит преодолеть натурализацию и заполнить многие пробелы в попытках обозначить и объяснить то, как мы понимаем и взаимодействуем с природными ресурсами. В первую очередь, следует обратить внимание на кажущиеся самоочевидными представлениям. В их основе находится несколько однозначных ассоциаций [10]. Природный ресурс — это: 1) статичный и внеисторический природный объект. Это вещь, взятая из природы, понятой как контейнер потенциальных благ, резервуар «пассивных» дискретных единиц. Благодаря понятиям «резерв», «источник», «запас» природные ресурсы представляют результаты физических процессов вне истории и деятельности человека; 2) асоциальный вклад в экономику. В качестве ресурса воспринимается то, что может служить средством достижения цели или удовлетворения какой-либо потребности или дефицита. Для превращения в «сырье» или «энергию» с заданными свойствами материалы гомогенизируются, стандартизируются, их отличительные особенности стираются. Рыночное производство нередко отрицает свою «производящую» связь с объектами, при этом разрушает существующие отношения и скрывает компрометирующие следы природного ресурса, такие как тяжелый труд, эксплуатация, коррупция, загрязнение окружающей среды; 3) объективные, универсальные дискретные ценности. Природные ресурсы имеют фиксированное присутствие и универсальное отношение к людям. Их ценность может быть определена объективным и общезначимым способом по справедливой рыночной стоимости [6]. Любой человек, независимо от его убеждений и опыта, относится к ресурсам аналогичным образом.

Таким образом, в общественном сознании и социальном анализе укоренилось нереляционное, деконтекстуализированное представление о природных ресурсах, существование которых следует из согласованного порядка вещей. Однако при этом мы не можем игнорировать свидетельства того, что связанные с ними смыслы и практики существенно различаются в ходе истории и в разных обществах. На это, например, указывает динамика добычи и востребованности отдельных материалов. Перспектива современных критических исследований вместо беспроблемного обозначения природных ресурсов в нашей жизни предлагает сфокусироваться на политических, эпистемологических, символических процессах, а также механизмах и способах, посредством которых определенные вещи «становятся» ресурсами [11]. Она позволяет поставить под сомнение историко-географическую фиксированность ресурсов, указать на то, что идентичность чего-либо как «ресурса» не присуща самому объекту, а возникает в определенных обстоятельствах [9].

Настоящая статья развивает чувствительную к условиям возможности вещей аналитическую оптику на основе реляционного подхода. Его применение мотивирует сконцентрироваться не на том, что есть объект, а на том, что с ним делается и что его делает, собственно, объектом. В качестве исходного выдвигается представление о том, что ресурсы осуществляются в рамках разворачивающихся отношений, зависящих от контекста [7]. Из него можно вывести несколько значимых следствий. Во-первых, динамизм социальных связей и отношений предполагает изменчивость практик и дискурсов, связанных с природным ресурсом. Развитие научных знаний, технологий, общественных дискуссий делают их в разной мере доступными, востребованными, выгодными, экологичными. Во-вторых, любые отношения непременно локализованы, имеют пространственно-временную и культурную укорененность. Ввиду этого речь всегда идет о локально специфичных концепциях ресурса, которые возникают в рамках отношений, сформированных в разных природно-географических условиях, истории, общественном развитии отдельных территорий [8]. В-третьих, из разнообразия отношений, в которые включен объект, следует множество условий его существования. Различные акторы могут задействовать конкретную «вещь»

биофизического мира принципиально по-разному [12]: например, дерево может быть строительным материалом, топливом или частью общественного парка. Эта множественность привлекает внимание не только к различным точкам зрения, но и к практическим и материальным аспектам осуществления природных ресурсов. Различаясь в зависимости от отношений, природный ресурс оказывается больше, чем один объект. Взаимодействия с различными сущностями (человеческими и нечеловеческими, материальными и нематериальными) предоставляют ресурсу множественные существования, в которых он воплощает разные свойства, применения и практические последствия (в дереве-как-топливе на первый план выходит его теплоотдача, а не экосистемные качества).

В рамках глобальной истории привлекает внимание динамика присутствия угля как природного ресурса [5]. Длительный период обществами, от охотников-собирателей до аграрных империй, в качестве основных энергетических ресурсов ценились земля и «рабочая сила» (людей и животных). К началу XVIII в. культурное развитие больше не могло осуществляться на основе «живой» энергии. Произошла великая топливная революция, переход к использованию энергии ископаемого топлива. Развитие паровых двигателей и двигателей внутреннего сгорания стало фактором возрастающего освоения огромного количества энергии, заключенной в земной коре, в первую очередь, в виде угля. С XVIII в. до примерно середины XX в. уголь благодаря изобилию и доступности был основным источником энергии [14]. Развитие «угольной экономики» способствовало оформлению современных обществ в процессах урбанизации, промышленного прогресса, повышения мобильности и ускорения социального времени (благодаря появлению пароходов и железных дорог). Экономическое развитие обеспечило комплексную социальную динамику: ярко выразилось классовое разделение, социально-экономическое неравенство, формирование социальных групп и идентичностей, социальные конфликты. Однако примерно с середины прошлого столетия преимущества укрепляющейся экономики, основанной на использовании нефти, подорвали позиции угля как ведущего источника энергии. С 1980-х гг. ухудшение горно-геологических условий освоения угля, снижение его экономической эффективности, а также социально-экологические противоречия, в частности, озабоченность климатическими изменениями, формируют материальную и дискурсивную нестабильность ресурса в попытках вовлеченных акторов сделать его «зеленым», выгодным, безопасным [13]. Важно отметить, что не столько физические и химические свойства угля сделали его в разные периоды «энергией индустриализации» или «грязным топливом современности», а его способность одновременно «вписываться» в формирующиеся социальные и материальные системы и решать определенные задачи.

Сегодня уголь продолжает оставаться частью многих общественных отношений. В российском контексте особое положение занимает Кемеровская область — Кузбасс, регион, базовым сектором экономики которого выступает освоение угля. На основании представленных выше концептуальных соображений обоснованно предполагать, что выделение устойчивых конфигураций дискурсов, процессов, материальных объектов позволит проявить множественность угля как природного ресурса, приобретающего различные значения, свойства, характеристики и общественное присутствие в пространстве региона.

ЦЕЛЬ исследования — выявить множество воплощений угля в рамках взаимоотношений и связей, разворачивающихся в современном Кузбассе.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Одновременно сделать акцент на способах интерпретации действительности и значениях, которые приписываются объектам, а также реальных практиках и материальных последствиях, которые возникают в соответствии с ними, позволяет дискурс-анализ. Его применение дает возможность вести исследование и на уровне суждений, и на уровне социальных отношений, обуславливающих их производство. Для анализа были отобраны материалы за 2023-2024 гг., которые охватывают события и высказывания, касающиеся угольной отрасли Кузбасса: официальные документы (законы, постановления,

приказы), комментарии экспертов и чиновников из официальных информационных каналов структур государственного управления, публикации региональных СМИ, материалы официальных сайтов добывающих компаний, сообщения пользователей в социальных медиа. Фокус сделан на том, что уголь за объект, какие его свойства оказываются значимыми в разных обстоятельствах, как разные акторы взаимодействуют с ним, какие из этого возникают последствия и изменения. В соответствии с замыслом исследования результаты анализа представлены в «сфокусированном на объекте» описании, которое дает возможность через конкретные воплощения угля указать на сложные механизмы его укорененности в жизни региона.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ.

Уголь как результат производства. На пути от недр до потребителя уголь существует не как однородный материал со стандартизованными свойствами, а представляет сложную цепочку производства ценности ресурса. Определенные проектные, технологические, физические операции в рамках производственного процесса делают отдельные характеристики и свойства угля доминирующими. В публичном дискурсе его крайне редко называют (природным) ресурсом, он не фигурирует как материальная субстанция природы, внеисторическая, неоцененная. Вместо этого уголь включается в отношения как запас, который обладает измеренными и рассчитанными характеристиками. Эта материальная форма ресурса ценна для компании, которая собирается его добывать, в первую очередь, объемом. Это не угольный запас «вообще» — в упоминание об отрабатываемом запасе угля свернуты как проведенные оценки, так и объем предстоящей работы; заведомо это количество угля, которое будет извлечено и реализовано. В результате в районах отработки месторождений доминирующая ценность угля сопровождается обесцениванием природы, ландшафтов и людей, которые приносятся в жертву в качестве своего рода сопутствующего ущерба. В рамках доминирующих дискурсов непропорциональное загрязнение, разрушение, переселение нередко наполняются патриотическим символизмом и моральным оправданием и воспринимаются как необходимые, хотя и драматичные, издержки во имя энергетической независимости, рабочих мест, конкурентной промышленности. Так, на границе естественной среды (недр) и производственных ландшафтов появляется недифференцированная «черная масса». Следующей формой угля, которую (дискурсивно) производят угольные компании региона, является продукт. Это уже не «сырье»; технологические операции и сложные инфраструктуры горно-обогатительного или погрузочного оборудования задают дискретность углю, который теперь может быть посчитан, обработан, оценен. Уголь как продукт — не гомогенное образование, а классифицированное. Маркировка угля производится на основе его поведения в процессе термического воздействия; важными физико-химическими свойствами являются калорийность, содержание отдельных элементов (углерода, серы), зольность. Как «полезной вещи», ему приписаны целевое значение и качественные свойства, в связи с которыми он может служить предметом потребления. Другое воплощение угля — товар, который в дискурсе региона фигурирует как «(угольная) продукция», ключевая характеристика которой «качественность». Она уже циркулирует в отношениях не производства, а обмена: угольная продукция «существует» в экономических операциях, ей оперируют клиенты — продавцы, партнеры, покупатели: «Наша цель — улучшение качества продукции благодаря строительству новых обогатительных фабрик, что позволит нам продавать уголь по более высокой цене, расширить клиентскую базу и понизить транспортные расходы. Более высокое качество угольной продукции даст нам возможность освоить новые зарубежные рынки и обеспечить контракты с крупнейшими мировыми трейдерами и потребителями угля» [3].

Уголь как рыночный товар. Сегодня первостепенным условием возможности природных ресурсов является рынок: уголь задействован в рамках рыночных отношений. С экономической точки зрения, у рыночного товара два основных свойства. У него есть по-

требительская стоимость, то есть полезность, способность удовлетворять потребности потребителя. В такой перспективе уголь существует как ценный источник энергии, главной характеристикой которого является теплота сгорания. Он обеспечивает привычный образ жизни, становясь топливом генерирующих компаний или индивидуальных домохозяйств для выработки электроэнергии и теплоснабжения, а также используясь предприятиями в производственных процессах (например, в металлургии). Кузбасский уголь востребован в других странах (преимущественно в азиатских) и является важнейшим элементом топливно-энергетического баланса России, благодаря чему Кузбасс, как регион, добывающий более половины угля в стране, обеспечивает себе особое социально-экономическое положение. «Уголь продолжает оставаться одним из самых дешевых, надежных и безопасных источников получения энергии. И потребление угля для выработки тепла и электроэнергии никуда не денется. Поэтому в горизонте работы заводов и тепловых станций потребление угля будет сохраняться, а то и увеличиваться. Как минимум, потому что стоимость вырабатываемой энергии за счет переработки угля дешевле, чем многие другие виды генерации», — Илья Середюк, губернатор Кузбасса [4].

Другой формой выражения рыночной ценности угля является его меновая стоимость. Возможность получения дохода по-разному мобилизует социальных субъектов. Среди них центральным является товаропроизводитель (угольная компания), занимающийся производственной деятельностью для получения прибыли. Добыча полезных ископаемых, в том числе угля, представляет первичное производство — производство без воспроизводства, поскольку добытые материалы практически не преобразуются. Ввиду этого добывающая деятельность способна приносить несоизмеримые приложенным усилиям доходы. Основополагающее стремление к достижению максимально высоких доходов и к максимальному снижению издержек приводит к различным институциональным и социальным искажениям: не соблюдениям правил, приводящим к значительному промышленному загрязнению и экологическому разрушению, нарушениям норм промышленной безопасности, травмированию и гибели людей, вынужденному расселению местных жителей. Уголь способен «принести деньги» работникам добывающих предприятий за осуществление трудовой деятельности. В этом случае ресурс становится частью трудовых отношений, областью реализации профессиональных навыков. Еще один вовлеченный субъект — органы государственной власти, которые имеют фиксированную монополию, позволяющую распоряжаться ресурсными богатствами от лица граждан и получать прибыль (ресурсную ренту) от их реализации. Экономическая ценность угля является основой региональной экономики Кузбасса: на долю угольной отрасли приходится значительный объем производства продукции, также именно она обеспечивает основные налоговые поступления. В дискурсе регионального управления уголь превращается в экономическую абстракцию, выраженную через статистику показателей, характеризующих объем добытого и вывезенного угля за отдельные периоды, отгрузки, прибыль от его реализации, доходы региона. В такой форме ресурс задействован в финансовых потоках, расчетах, логистике. В их рамках не только редуцируется материальность угля, но происходит «дистанцирование» от локальных социальных и экологических особенностей, которое нередко приводит к принятию решений, приносящих значительный реальный ущерб. Поскольку объем и структуру производимых товаров регулирует ценовой механизм рынка, уголь формирует экономически нестабильную деятельность угольных компаний и состояние экономики региона. В последние несколько лет санкции и эмбарго на ввоз российского угля на западном направлении, снижение цен на мировых рынках, инициативы, направленные на постепенный отказ от угля для сокращения климатического воздействия, возросшие производственные издержки приводят к сокращению добычи и реализации угля и, как следствие, региональных доходов.

Уголь как общее дело. Усилиями заинтересованных субъектов Кузбасс представляется символическое пространство, в котором процветание угольной отрасли фигурирует

как сверхценность, которой подчинена жизнь всего региона. Уголь представлен как ве-щество, способное мобилизовывать и вовлекать, объединять людей, природу, технику, на-дежды на будущее в единую систему отношений. С угольной промышленностью связаны не просто лояльность и благожелательное отношение, но ей буквально сопричастны все жители: «Благодаря развитию угольной промышленности в регионе появляются но-вые рабочие места. Так, в смежных отраслях задействованы сотни тысяч людей. Нет ни одной семьи, которая в регионе не имела бы отношения к углю. На благо уголь-ной промышленности трудится даже учитель колледжа, подготавливая специалиста угольной промышленности, он тоже угольщик» [2]. Благодаря широкому спектру корпо-ративных программ угольные компании вовлечены в поддержку общественных инициатив, улучшение качества городской среды и экологии на территориях присутствия. Угледобыча составляет стержень экономики: в ней занято значительное количество жителей (обес-печивает рабочие места), она приносит основные доходы, на нее приходится существенная доля производства внутреннего продукта. Общественная значимость угля нередко обле-кается в форму зависимости, особенно в контексте неблагоприятных изменений (падение цен, сокращение добычи, неполная отгрузка). Страх экономических потерь и опасения сни-жения благополучия, представленные как затрагивающие всех жителей региона, позволя-ют формировать общественную преданность отрасли, принятие и оправдание проводимой политики. Уголь превращается в нечеловеческий актор развития, эффекты которого про-слеживаются в других сферах региональной жизни: в управлении проектами и инвестици-ями, в сфере научно-технических разработок, в сфере образования (ведется активная про-фориентация, направленная на выбор горнодобывающих специальностей, при поддержке угольных компаний реализуются программы профессионального образования, ремонтиру-ются и оборудуются специализированные лаборатории), в управлении ландшафтами и тер-риториальным развитием (в частности, систематически осуществляется перевод земель из категории сельскохозяйственного назначения для использования угледобывающими предпринятиями). Ценность угольной отрасли вытесняет другие экономики и оценки, огра-ничивает возможности иного развития (несмотря на горячие обсуждения диверсифика-ции, пока делаются лишь незначительные шаги в этом направлении) так, что ее поддержка становится судьбой и долгом региона и его жителей.

Уголь как источник рисков и разрушений. Объединяясь с различными материальными и объектами и являясь частью некоторых процессов, уголь оказывается способным нано-сить ущерб. Добыча угля производит «непредсказуемую» среду: на месте, где недавно были луга или жилые дома могут образоваться производственные площадки; обрушения горных масс приводят к чрезвычайным ситуациям в работе шахт и разрезов; происходят оползни, движение породных отвалов разрезов, которые засыпают встречающиеся на пути деревья, земли, водоемы; на территории региона фиксируются десятки землетрясений, большую часть которых специалисты в основном связывают с интенсивными горными работами, приводящими к перераспределению напряжений в земной коре [1]. В особо уязвимом по-ложении оказываются работники угольных предприятий, на которых нередки ситуации травмирования или гибели людей. Для местных жителей уголь не представляет ценный и востребованный ресурс; напротив, это объект, который несет неудобства и нарушение по-вседневного порядка. Непосредственное соседство вблизи районов осуществления добычи и обработки угля является картины деградации окружающей среды, а также сопровождается ухудшением общего состояния экосистем и сред обитания. Ведение горных работ, а так-же транспортировка угля приводят к снижению уровня грунтовых вод и вызванному этим осушению колодцев и скважин, обилию пыли. Люди страдают от шума карьерной техники, особенно в ночное время. Ведение буровзрывных работ на разрезах, а также подземных работ на шахтах приводит к повреждениям строений (появлению трещин, обрушениям) или подтоплениям. Отношения с «плохим» углем могут принимать форму общественного

сопротивления, приводить к призывам прекратить освоение угля и протестам по поводу экологического ущерба и использования производственных технологий и инфраструктур. С другой стороны, контрольно-надзорные органы, следящие за соблюдением требований промышленной безопасности, технологических и экологических норм, благодаря активному отношению к потенциальным угрозам, которые может нести уголь, нейтрализуют многие чрезвычайные ситуации, превращая их в область «предвиденной и управляемой опасности». В рамках этих социально-материальных отношений воплощаются инфраструктуры, практики и оценки, обеспечивающие планомерную реализацию производственной деятельности и оперативное решение возникающих внештатных ситуаций — от проверок надзорными органами до внедрения автоматизированных систем управления аэрогазового контроля на шахтах и систем безопасности угольных предприятий, состоящих из диспетчеров, видеокамер, датчиков, контрольных таблиц, отчетов и прочего.

Уголь как наследие. Следы и результаты взаимодействия с углем в прошлом многообразно включаются в современную жизнь региона. Современный Кузбасс в его материальном и дискурсивном качестве является развернутым свидетельством сложных изменчивых отношений между обществом и природным ресурсом, зафиксированным на конкретной территории. Кузбасс благодаря углю из малоосвоенного превратился в развитый промышленный регион, его добыча и реализация сопровождались мощными социальными трансформациями, связанными с жилищным строительством, расширением городской среды, повышением благополучия. В качестве материального наследия существуют районы, в которых непосредственно велась или по-прежнему ведется добыча и обработка угля. Преобразуются (нередко безвозвратно) геофизическая среда и многие экосистемы так, что разрушается их непрерывность, разрывается связь с собственным прошлым. В частности, подземные выработки навсегда останутся «геологическими памятниками»: поскольку строительство шахтной инфраструктуры предполагает размещение под землей «чужеродных» ей технологий и материалов, даже после завершения отработки и закрытия предприятия оно останется материальным свидетельством человеческой деятельности.

Кроме того, уголь и его освоение присутствуют в жизни региона в множестве культурных форм, составляющих коллективную, культурную память, частично экстериоризованную во вне конкретного индивида и в определенной степени организованную внешними «расширениями». В этом случае востребованность угля непосредственно не связана с физическими и химическими свойствами, а заключается в его способности быть медиумом, «представлять» события и материю и передавать ключевые для региона смыслы. Особое место занимают музеи и исторические проекты, конструирующие «угольную историю» Кузбасса, в которой значимые события прошлого, связанные с природным ресурсом, составляют особую судьбу региона, разворачивающуюся сегодня и продлеваемую в будущее. В музеях уголь обретает еще одно материальное существование в качестве «образца»: это отдельный камень, который потребляется не через сжигание, а через осмотр посетителями. Кроме того, уголь воплощается в различных художественно-эстетических объектах. Пространство Кузбасса наполнено монументальными образами, связанными с угледобычей. Они становятся естественным фоном повседневности, незаметно подкрепляя коллективный габитус жителей региона. Стелы при въезде в многие города и муниципальные районы, как и многочисленные памятники, скульптуры, изображения на зданиях запечатлевают события, людей и символы освоения кузнецкого угля. Другая возможность культурной презентации угля — творчество профессиональных и непрофессиональных художников. Уголь используется не только как топливо, но и как ценная «вещь»: он востребован как материал или референс для малых художественных форм, небольших декоративных изделий. Мастера в Кузбассе используют уголь для изготовления картин или небольших фигурок, а также украшений (серег, колец, брошей). Музеи, сувенирные и канцелярские магазины предлагают широкий ассортимент сувенирной продукции (магниты, брелки, статуэтки)

с изображением угля, имитирующей его цвет и фактуру. Создание и приобретение таких «угольных форм» можно рассматривать как жест символической сопричастности отрасли и региону, возможность коллективной солидаризации. В культурном производстве уголь может вовсе утрачивать свое материальное существование, превращаясь в идеальный объект, сгусток смыслов и воображаемых образов. Как объект символического порядка, уголь метонимически представляет регион, составляет ядро его идентичности; размещение угольных предприятий и районы непосредственной деятельности дискурсивно формируют своеобразную «угольную географию» Кузбасса, превращая территорию региона в целом в сплошное пространство добычи угля. Кроме того, нередко региональные власти продвигают Кузбасс как «главный угольный регион страны», который олицетворяет всю отрасль, берет на себя задачу представлять другие угольные регионы, выражая их потребности и трудности.

ВЫВОДЫ. Настоящая статья предлагает попытку выйти за рамки распространенных и устойчивых способов мышления о природных ресурсах. Здравый смысл представляет взятые из природы объекты и вещества, объективно заданные и имеющие универсальную ценность и свойства. Однако критический взгляд позволяет бросить вызов их кажущейся «естественности», проявив и указав на часто неочевидные и сложно выражимые отношения и условия, благодаря которым что-то существует как природный ресурс. На основе осмысливания реалий современного Кузбасса как конкретного угольного региона со своими историческими, природными, культурными особенностями уголь представлен как «неоднозначный объект», который в разных обстоятельствах существует с конкретной ценностью, материальными свойствами и практическими последствиями. В рамках промышленного освоения уголь из «запаса» с оцененным объемом превращается в «классифицированный продукт», способный удовлетворять определенные потребности, а затем в «качественный товар», который циркулирует в отношениях между производителем и покупателем. В рамках рыночных отношений он обретает цену и способность обеспечивать существенный доход заинтересованным субъектам, а также полезность в качестве востребованного источника энергии. В отдельных случаях для работников угольных предприятий и местных жителей уголь воплощает угрожающую материю, во взаимодействии с другими объектами способную на разрушения. В Кузбассе «горючий камень» «генерирует» общественную жизнь, мобилизую людей и доступные средства в научно-техническом, профессиональном, социально-экономическом, территориальном развитии. В рамках культурного производства его геофизические и химические свойства могут отходить на второй план; вместо этого уголь становится медиумом, передающим смыслы и представляющим регион, историю и коллективное воображение. Изложенные результаты, демонстрирующие, что отдельные объекты способны вести себя по-разному в рамках разных связей и отношений, могут послужить формированию более чуткого и внутренне скоординированного понимания и взаимодействия с широким разнообразием вещей, которые принято беспроблемно называть «природными ресурсами».

ЛИТЕРАТУРА

- Городецкая В. Почему Кузбасс трясет? Сейсмологи объяснили, из-за чего происходят землетрясения и виноваты ли в этом угольщики // NGS42.RU. 2024. URL: <https://ngs42.ru/text/gorod/2024/06/24/73618178/> (дата обращения: 14.11.2024).
- Дела шахтерские. Как устроена работа одного из крупнейших угольных предприятий России // Лента.Ру. 2024. URL: <https://lenta.ru/articles/2024/08/25/zabota/> (дата обращения: 10.11.2024).
- Кузбасская Топливная Компания: Стратегия. URL: <https://ktk.company/company/strategy> (дата обращения: 11.11.2024).
- Пресняков В. Илья Середюк: Энергетика от угля в ближайшее время не откажется // Энергетика и промышленность России. 2024. № 20 (496). URL: <https://www.eprussia.ru/epr/496/9227010.htm> (дата обращения: 14.11.2024).

5. Тимофеева С.С., Смирнов Г.И. Перспективы использования угля как основного ресурса в условиях четвертого энергетического перехода // XXI век. Техносферная безопасность. 2023. Т. 8. № 2. С. 191–201.
6. Alcoff L.M. Extractivist Epistemologies // Tapuya: Latin American Science, Technology and Society. 2022. Vol. 5. № 1. URL: <https://doi.org/10.1080/25729861.2022.2127231> (дата обращения: 20.10.2024).
7. Bathelt H. Resources in economic geography: from substantive concepts towards a relational perspective // Environment and Planning A. 2005. Vol. 37. Pp. 1545–1563.
8. Bridge G. Material Worlds: Natural Resources, Resource Geography and the Material Economy // Geography Compass. 2009. Vol. 3. № 3. Pp. 1217–1244.
9. Ferry E. Materiality and Substances // D'Angelo L., Pijpers R.J. (eds.) The Anthropology of Resource Extraction. London: Routledge, 2022. Pp. 95–112.
10. Furlong K., Norman E.S. Resources // Agnew J.A., Mamadouh V., Secor A., Sharp J. (eds.) The Wiley Blackwell Companion to Political Geography. John Wiley & Sons Limited, 2015. Pp. 424–437.
11. Himley M., Havice E., Valdivia G. (eds.) The Routledge Handbook of Critical Resource Geography. London: Routledge, 2021. 495 p.
12. Richardson T., Weszkalnys G. Resource Materialities // Anthropological Quarterly. 2014. Vol. 87. № 1. Pp. 5–30.
13. Schneider J., Schwarze S., Bsumek P.K., Peebles J. Under Pressure: Coal Industry Rhetoric and Neoliberalism. London: Palgrave Macmillan, 2016. 189 p.
14. Willow A.J. Coal // Understanding ExtrACTIVISM: Culture and Power in Natural Resource Disputes. London: Routledge, 2018. Pp. 143–186.

REFERENCES

1. Gorodeckaya V. *Pochemu Kuzbass tryaset? Seismologii ob "yasnili, iz-za chego proiskhodyat zemletryaseniya i vinovaty li v etom ugol'shchiki* [Why is Kuzbass shaking? Seismologists explained why earthquakes occur and whether coal miners are to blame for this] // NGS42.RU. 2024. URL: <https://ngs42.ru/text/gorod/2024/06/24/73618178/> (data obrasheniya: 14.11.2024). (In Russian).
2. *Dela shahterskie. Kak ustroena rabota odnogo iz krupnejshih ugol'nyh predpriyatiy Rossii* [Mining business. How does the work of one of the largest coal enterprises in Russia work?] // Lenta.Ru. 2024. URL: <https://lenta.ru/articles/2024/08/25/zabota/> (data obrasheniya: 10.11.2024). (In Russian).
3. *Kuzbasskaya Toplivnaya Kompaniya: Strategiya* [Kuzbass Fuel Company: Strategy]. URL: <https://ktk.company/company/strategy> (data obrasheniya: 11.11.2024). (In Russian).
4. Presnyakov V. *Il'ya Seredyuk: Energetika ot uglya v blizhaishee vremya ne otkazhetysa* [Ilya Seredyuk: The energy industry will not give up coal in the near future] // *Energetika i promyshlennost' Rossii*. 2024. № 20 (496). URL: <https://www.eprussia.ru/epr/496/9227010.htm> (data obrasheniya: 14.11.2024). (In Russian).
5. Timofeeva S.S., Smirnov G.I. *Perspektivy ispol'zovaniya uglya kak osnovnogo resursa v usloviyah chetvertogo energeticheskogo perekhoda* [Prospects for coal as an energy resource in the context of the fourth energy transition] // XXI vek. *Tekhnosfernaya bezopasnost'*. 2023. Т. 8. № 2. С. 191–201. (In Russian).
6. Alcoff L.M. Extractivist Epistemologies // Tapuya: Latin American Science, Technology and Society. 2022. Vol. 5. № 1. URL: <https://doi.org/10.1080/25729861.2022.2127231> (data obrasheniya: 20.10.2024). (In English).
7. Bathelt H. Resources in economic geography: from substantive concepts towards a relational perspective // Environment and Planning A. 2005. Vol. 37. Pp. 1545–1563. (In English).
8. Bridge G. Material Worlds: Natural Resources, Resource Geography and the Material Economy // Geography Compass. 2009. Vol. 3. № 3. Pp. 1217–1244. (In English).
9. Ferry E. Materiality and Substances // D'Angelo L., Pijpers R.J. (eds.) The Anthropology of Resource Extraction. London: Routledge, 2022. Pp. 95–112. (In English).
10. Furlong K., Norman E.S. Resources // Agnew J.A., Mamadouh V., Secor A., Sharp J. (eds.) The Wiley Blackwell Companion to Political Geography. John Wiley & Sons Limited, 2015. Pp. 424–437. (In English).

11. Himley M., Havice E., Valdivia G. (eds.) *The Routledge Handbook of Critical Resource Geography*. London: Routledge, 2021. 495 p. (In English).
12. Richardson T., Weszkalnys G. *Resource Materialities* // Anthropological Quarterly. 2014. Vol. 87. № 1. Pp. 5–30. (In English).
13. Schneider J., Schwarze S., Bsumek P.K., Peeples J. *Under Pressure: Coal Industry Rhetoric and Neoliberalism*. London: Palgrave Macmillan, 2016. 189 p. (In English).
14. Willow A.J. *Coal* // Understanding ExtrACTIVISM: Culture and Power in Natural Resource Disputes. London: Routledge, 2018. Pp. 143–186. (In English).